

Атлантур

:i рѣмрѣ :

: i рѣм рѣмрѣм ѡрѣм ѡрѣмрѣм :

журнал
топкиновского
общества
санкт-петербурга

40

август 2003

Mark T. Hooker, Алла Хананашвили. «Неологизмы Толкина: eleventy-one».	3
Азрафэль (Ольга Белоконь). «Контрдикт. Отзыв на доклад Дмитрия Виноходова».	15
Хэльги Липецкий (О.О.Иванов). «Об оперативном отражении событий Второй Мировой войны в творчестве Дж.Р.Р.Толкина»	27
Мария Каменкович. Список выловленных ошибок и опечаток в книге Т.Шиппи «Дорога в Средьземелье»	35

На последней странице - иллюстрация Моргул к песне «Намариз» Дональда Сванна на слова Дж.Р.Р.Толкина.

Palantir®

İ À Æ À Í Ò È Æ

N 40 àãåóñò 2003

ÆÓÐÍÆ

ÒÎÊÊÊÍÎÃÑÊÍÃÎ ÎÃÙÃÑÒÃÃ
ÑÃÍÊÒ-ÎÃÒÃÐÃÓÐÃÃ

Этот номер для вас делали: Аратанве Эондил, Бера, Золтан Бардинг, Маэлор, Моргул

Наш адрес: 191186 СПб, Миллионная 15-13

E-mail: zoltan@tolkien.ru eondil@mail.ru 2:5030/1171.35@FidoNet

Наш сайт: tolkien.spb.ru

Зеркала сайта: tolkien.by.ru esgaroth.narod.ru

Copyright (c) 2003, Толкиновское Общество СПб

Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами. Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского Общества запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Издание журнала не преследует коммерческих целей.

Редакция благодарит автора использованных в издании шрифтов Tengwar Quenya и Tengwar Sindarin Дэниела Стивена Смита.

Неологизмы Толкина: eleventy-one

Mark T. Hooker, Алла Хананашвили

Толкин очень любил лингвистические шутки и неологизмы, и в изобилии наполнил ими «Властелина Колец».

Одним из таких искусственных слов, бросающих вызов переводчику, стало придуманное Толкином словосочетание **eleventy-one**.

Это хоббитче название «возраста трех единиц» – 111.

Eleventy – выдуманное составное числительное, созданное по аналогии с числами, кратными 10, которые образуются с помощью суффикса *-ty*. Этот суффикс – видоизмененное слово “ten” [10], в английском языке с его помощью образованы десятичные числительные с *twenty* [20] до *ninety* [90]. Иными словами возраст 111 лет – это 11, умноженное на 10, плюс 1 (*eleven*ty* [110] + *one* [1] = *eleventy-one* [111]).

Самый напрашивающийся вариант – «одиннадцать один», но поскольку в русском языке десятичные числительные образуются при помощи суффиксов *-цать* или *-десят* – видоизмененное слово «десять», то такой перевод неверно передает смысл изобретения Толкина. Поэтому чтобы правильно передать результат умножения одиннадцати на десять, следует воспользоваться соответствующим суффиксом.

При этом возможны несколько вариантов:

<i>Eleven</i>	<i>-ty</i>	<i>one</i>
Одиннадцать	-цать	один
Одиннадцать	-десят	один
Одиннадцать	-жды десять	один
Одиннадцать	-ю десять	один

Нам показалось, что вариант «одиннадцатьдесят один» наиболее благозвучный. Именно он использован в примерах.

Описывая возраст Бильбо на момент начала повествования, Толкин говорит:

“When Mr. Bilbo Baggins of Bag End announced that he would shortly be celebrating his eleventy-first birthday with a party of special magnificence, there was much talk and excitement in Hobbiton.” (F.43)

«Когда мастер Бильбо Бэггинс из Бэг-Энда объявил, что намерен в самом скором времени отпраздновать свое одиннадцатьдесят однолетие особенно великолепным приемом, весь Хоббитон загудел и заволновался».

"Twelve more years passed. Each year the Bagginses had given very lively combined birthday-parties at Bag End; but now it was understood that something quite exceptional was being planned for that autumn. Bilbo was going to be *eleventy-one*, 111, a rather curious number and a very respectable age for a hobbit (the Old Took himself had only reached 130); and Frodo was going to be *thirty-three*, 33, an important number: the date of his 'coming of age'." (F.44)

«Прошло еще двенадцать лет. Каждый год Бэггинсы устраивали в Бэг-Энде веселый прием по случаю общего дня рождения, но на этот раз все поняли, что на осень намечается нечто исключительное. Бильбо исполнялся *одинадцатьдесят один* год, 111 – достаточно любопытное число и весьма почтенный возраст для хоббита (даже сам Старый Тук дожил только до ста тридцати), Фродо исполнялось *тридцать три*, 33 – тоже важная дата: "вступление в возраст"».

Затем это словосочетание повторяется еще трижды в праздничной речи Бильбо в первой главе первой книги:

"Today is my *one hundred and eleventh birthday*: I am *eleventy-one* today!" (F.54)
«Сегодня мой *сто одинадцатый* день рождения: мне сегодня стукнул *одинадцатьдесят один* год!»

"First of all, to tell you that I am immensely fond of you all, and that *eleventy-one* years is too short a time to live among such excellent and admirable hobbits." (F.54)

«Во-первых, чтобы сказать вам, что вы все безгранично мне нравитесь и что *одинадцатьдесят один* год – слишком короткий срок жизни среди таких великолепных и славных хоббитов».

"I regret to announce that - though, as I said, *eleventy-one* years is far too short a time to spend among you - this is the END. I am going. I am leaving NOW. GOOD-BYE!" (F.55)

«Вынужден с сожалением объявить, что, хотя, как я уже сказал, *одинадцатьдесят один* год – слишком короткий срок для жизни среди вас, но это КОНЕЦ. Я ухожу. Я покидаю вас СЕЙЧАС ЖЕ. ПРОЩАЙТЕ!»

Мало кто из переводчиков попытался придумать столь же необычное словосочетание, большинство использовали заурядное числительное.

Грузберг:

«Многочисленные толки вызвало в Хоббитоне решение мастера Бильбо Бэггинса отметить *сто одинадцатую* годовщину своего рождения особо великолепным приемом. Все были возбуждены этим известием» (40).

«Прошло еще двенадцать лет. Каждый год Бильбо устраивал в Бэг-Энде прием по случаю совместного дня рождения, но на сей раз все поняли, что планируется нечто исключительное. Бильбо исполнилось сто одиннадцать лет – любопытное число и весьма почтенный возраст для хоббита (сам Старый Тук дожил только до ста тридцати); а Фродо приближался к тридцати трем – тоже важное число: "входил в возраст"» (41).

«Сегодня мне исполняется сто одиннадцать лет» (51).

«Во-первых, чтобы сказать вам, что я вас всех очень люблю и что сто одиннадцать лет – слишком краткий срок жизни среди таких великолепных и восхитительных хоббитов» (52).

«Мне не хочется этого говорить: как я уже сказал, сто одиннадцать лет – слишком короткий срок для жизни с вами, – но это КОНЕЦ. Я ухожу. Я покидаю вас немедленно. ПРОЩАЙТЕ!» (53)

Александрова слегка подправила стиль этих реплик, но не предприняла попытки придумать неологизм для перевода выражения *eleventy-one*:

«Когда мастер Бильбо Бэггинс из Бэг-Энда объявил, что намерен в самом скором времени отпраздновать сто одиннадцатую годовщину своего рождения с особенным великолепием и размахом, это вызвало в Хоббитоне множество волнений и толков».

«Прошло еще двенадцать лет. Каждый год Бэггинсы весело праздновали в Бэг-Энде свой общий день рождения, но на этот раз все поняли: замышляется нечто исключительное. Бильбо исполнилось сто одиннадцать лет – любопытная дата и весьма почтенный возраст для хоббита (даже Старый Тук дожил лишь до ста тридцати), Фродо – тридцать три, тоже важная дата: совершеннолетие».

«Сегодня мне исполняется сто одиннадцать лет».

«Во-первых, чтобы сказать вам, что я вас всех очень люблю и что сто одиннадцать лет – слишком короткий срок для жизни среди таких великолепных и восхитительных хоббитов».

«Я с сожалением объявляю, что, хотя, как я уже сказал, сто одиннадцать лет – слишком короткий срок для жизни среди вас, это КОНЕЦ. Я ухожу. СЕЙЧАС я покидаю вас. ПРОЩАЙТЕ!»

K&M также проигнорировали это изобретение Толкина:

«Когда Бильбо Торбинс, владелец Торбы-на-Круче, объявил, что хочет пышно отпраздновать свое наступающее стоодиннадцатилетие, весь Норгорд загудел и заволновался».

«С тех пор Торбинсы весело и радушно отпраздновали одиннадцать общих дней рождения, но на двенадцатый раз, судя по всему, готовилось что-то невиданное и неслыханное. Бильбо исполнялось сто одиннадцать – три единицы, – по-своему круглое и вполне почетное число (даже легендарный Старый Крол прожил только до ста тридцати), а Фродо тридцать три – две тройки, – тоже случай особый: на тридцать четвертом году жизни хоббит считался совершеннолетним».

«Нынче мне исполнилось сто одиннадцать лет: три, можно сказать, единицы!»

«Во-первых, чтобы сказать вам, что я счастлив всех вас видеть и что с такими прекрасными и превосходными хоббитами, как вы, прожить сто одиннадцать лет легче легкого!»

«С прискорбием объявляю вам, что хотя, как я сказал, прожить сто одиннадцать лет среди вас легче легкого, однако же пора и честь знать. Я отбываю. Только вы меня и видели. ПРОЩАЙТЕ!»

Немирова пошла по пути наименьшего сопротивления и вообще не написала это число прописью:

«Когда почтенный Бильбо Торбинс из Торбы-на-Круче объявил, что желает по особенному отпраздновать свой приближающийся день рождения – 111-й, – весь Хоббитон взволновался и только об этом и говорил» (стр. 29).

«Прошло еще двенадцать лет. Каждый год Торбинсы весело справляли двойные дни рождения в Торбе-на-Круче. На этот раз задумали нечто грандиозное. Бильбо исполнялось 111 – и цифра красивая, и возраст немалый (знаменитый Старый Тук и то дожил всего до 130), а Фродо – 33, порог зрелости» (стр. 30).

«Сегодня у меня 111-й день рождения: мне исполнилось 111 лет» (стр. 39).

«Прежде всего, я хотел сказать, что очень люблю вас всех, и за 111 лет еще не устал жить в среде столь замечательных, превосходных хоббитов» (стр. 40).

«Я с сожалением объявляю, что, хотя за III лет мне и не наскучило жить среды вас, сейчас наступит конец. Я уйду. Я расстаюсь с вами – здесь и сейчас. Прощайте!» (стр. 41).

Яхнин сократил два упоминания этого числа и также не стал придумывать для него неологизм:

«Прошло ровно шестьдесят лет с того самого дня, когда Бильбо Бвэггинс вернулся в родной Хоббитаун. Сегодня ему стукнуло ни много ни мало – сто одиннадцать. Три единички – это уже настоящий юбилей» (стр. 12).

«К тому же и родились они в один день, только Бильбо исполняется сто одиннадцать, а Фродо – тридцать три» (стр. 14).

«Не щадя живота своего, ели и пили вы за мое здоровье. И теперь его хватит мне еще на сто одиннадцать лет. Непременно возьму в дорогу и все ваши добрые пожелания» (стр. 21-22).

Бобырь одним абзацем пересказала содержание всей первой главы, при этом о возрасте Бильбо даже не упомянула:

«Вскоре после исчезновения Бильбо (ибо он ушел неожиданно, тайно для всех) к Фродо пришел Гандальф – кудесник из Ордена добрых волшебников, давний друг всех Хоббитов, в особенности же друг Бильбо» (стр. 9).

Г&Г сократили несколько фраз (в частности полностью отсутствует упоминание о возрасте Старого Тука) и оставили стандартное числительное:

«В Хоббитоне был переполох. Господин Бильбо Сумникс, хозяин Засумок, объявил о намерении отпраздновать свое стоодиннадцатилетие и пообещал очень щедрое угощение» (стр. 29).

«С тех пор прошло еще двенадцать лет. Теперь в Засумках каждый год весело отмечали двойной день рождения, к этому привыкали, но любому было ясно, что нынешней осенью готовится нечто необычное. Бильбо исполнилось 111 лет – возраст для хоббита весьма почтенный, да и число любопытное, ну и Фродо готовился отметить тридцатитрехлетие – тоже знаменательная дата – совершеннолетие по-хоббитски» (стр. 30).

«Сегодня мне исполнилось сто одиннадцать! (стр. 39).

«Во-первых, сказать вам, как я люблю вас всех, а сто одиннадцать лет – это слишком мало, когда живешь среди таких славных хоббитов» (стр. 40).

«Должен с сожалением объявить, что хотя, как я уже сказал, мне маловато ста одиннадцати лет, прожитых в таком приятном обществе, пора заканчивать. Я ухожу. Покидаю вас. Сейчас же. Немедленно. Пока!» (стр. 42).

ВАМ также не предприняла никакой попытки передать неологизм:

«Когда господин Бильбо Торбинс из Торбы-в-Холме объявил, что вскоре устроит великое празднество по поводу своего сто одиннадцатого дня рождения, городок Хоббиттаун заволновался и загудел» (стр. 225).

«Прошло еще 12 лет. Веселые вечеринки в совместные дни рождения Торбинсы устраивали на Холме каждый год, но в эту осень, похоже, готовилось что-то совершенно исключительное.

Бильбо собирался отметить 111 лет – три единицы – число интересное и для хоббита весьма почетное (даже Старый Тук дожил всего до 130), а Фродо – тридцать три, очень важную дату: совершеннолетие» (стр. 226).

«Сегодня мне стукнуло 111 лет: "Три Единицы"» (стр. 233).

«Во-первых, сказать вам, что я вас всех весьма уважаю, и 111 лет среди столь замечательных и превосходных хоббитов – очень краткий срок, и для меня пролетел слишком быстро!» (стр. 234).

«Весьма сожалею, но должен вам объяснить, что, как я уже сказал, 111 лет среди вас – очень короткий срок, и он кончился. Я ухожу. И ухожу сейчас. Прощайте!» (стр. 235).

Лишь две команды русских переводчиков распознали изобретенный Толкином неологизм, и предприняли попытку его обыграть.

К&К придумали многословную формулировку «Иными словами, мне стукнуло одиннадцать с хвостиком!». Однако такое решение нельзя назвать удачным – без упомянутого вначале обычного числительного, пропадает всякая возможность понять, о каком возрасте идет речь, в то время, как по-английски все ясно и без предварительного объяснения, и сам нелогизм появляется уже в первой фразе основного повествования:

«Когда господин Билбо Бэггинс из Котомки объявил, что намерен в скором времени отметить свой сто одиннадцатый день рождения и устроить по этому поводу особо пышное торжество, с Хоббитон загудел и заволновался» (стр. 43).

«Минуло еще двенадцать лет. Ежегодно, празднуя общий день рождения, Бэггинсы закатывали в Котомке веселую пирушку. Но теперь – это понимали все – затевалось что-то небывалое. Бильбо исполнялось сто одиннадцать лет – цифра довольно примечательная, не говоря о том, что для хоббита это весьма почтенный возраст (даже Старый Тук дотянул только до ста тридцати), а Фродо достиг тридцати трех, то есть совершеннолетия» (стр. 44-45).

«Сегодня я справлю сто одиннадцатый день своего рождения! Иными словами, мне стукнуло одиннадцать с хвостиком!» (стр. 56).

«Первое – я хочу сказать вам, что люблю вас всей душой и что провести одиннадцать с хвостиком лет среди столь блистательных и достойных восхищения хоббитов недостаточно, чтобы пресытиться их обществом!» (стр. 57).

«Хотя, как я уже сказал, одиннадцати с хвостиком лет мало, чтобы сполна насладиться вашими обществом, – с глубоким прискорбием вынужден объявить: всему настанет конец. Я ухожу. Причем сию минуту. Прямо с е й ч а с . П р о щ а й т е !» (стр. 58).

Волковский и здесь не уклонился от возможности поупражняться в придумывании «ширских слов». В данном случае ему представилась для этого удачная возможность. Правильно определив толкиновский неологизм, он придумал интересный вариант перевода. Его формулировка «стодесять один» используется лишь в двух фразах и полностью опускает число *одиннадцать*, но при этом точно передает значение самой даты. Кроме того, она строится по тому же принципу, что и такие русские сказочные названия такие, как «тридесятое царство, тридевятое государство»:

«Стоило господину Бильбо Беббинсу, владельцу усадьбы Бебень-на-Бугре, объявить о том, что в самое ближайшее время он собирается отметить свой сто одиннадцатый день рождения и думает устроить по этому поводу небывалое празднество, как в Хоббитоне переполошились и стар и млад» (стр. 36).

«Но ту осень праздновать собирались с особым размахом – ведь Бильбо исполнялось стодесять один, то есть сто одиннадцать лет! Число это – три единицы – и само по себе считалось особенным, выдающимся, а уж дожить до такого возраста было все равно, что совершить геройское деяние (сам Старый Тук, величайший хоббитский долгожитель, дотянул только до ста тридцати)» (стр. 38).

«Сегодня мой сто одиннадцатый день рождения – мне стукнуло ровно стодесять один!» (стр. 49).

«Прежде всего, я хотел сказать, что донельзя рад всех вас видеть: прожить с такими расчудесными хоббитами сто одиннадцать лет – тфу! Сколько ни живи, все мало покажется!» (стр. 50).

«С сожалением объявляю, что, хотя прожить среди вас сто одиннадцать лет не так уж мало, хорошего, как говорится, помаленьку. На этом мы расстанемся. Я ухожу! Прямо сейчас. Прощайте!» (стр. 51).

Не учла толкиновский неологизм и команда переводчиков с форума Хеннет-Аннун, подготовившая русские титры к расширенной версии первого фильма Питера Джексона.

В фильме трижды встречается указание на возраст Бильбо. Первый раз в момент его встречи с Гэндальфом, когда Гэндальф говорит что Бильбо: “one hundred and eleven years old [сто одиннадцать лет].” В этом месте переводчики написали просто цифры: «111 лет», что вполне оправдано.

Затем еще дважды Бильбо сам упоминает эту дату в своей торжественной речи.

Первый раз он говорит: “Today is my one hundred and eleventh birthday!” Это было совершенно точно переведено как: «Сегодня мой сто одиннадцатый День Рождения!»

Зато во второй раз Бильбо уже произносит толкиновский неологизм: “Alas, **eleventy-one** years is far too short a time to live among such excellent...”

Переводчики же по-прежнему написали: «Увы, **сто одиннадцать** лет – слишком мало, когда живешь с такими замечательными...»

Оправданием большинству русских переводчиков может послужить то, что переводы на многие другие языки также не содержат попыток придумать неологизм для этого числительного.

Перевод	eleventy-first birthday (F.43)	eleventy-one, 111 (F.44)	I am eleventy-one today (F.54)	eleventy-one years (F.54)	eleventy-one years (F.55)
Украинский: Володар Перснів. А.В. Немирова	111-й - день народження (27)	Більбо виповнялося 111 (28)	Сьогодні в мене 111-й день народження: мені виповнилося 111 років. (36)	111 років (37)	111 років (38)
Чешский: Pán prstenů. Stanislava Pošustová.	Sve sto jedenácté narozeniny (29)	Stojedenáctin (30)	Sto jedenácté narozeniny (36)	Sto jedenáct let (37)	Sto jedenáct let (37)

Перевод	eleventy-first birthday (F.43)	eleventy-one, 111 (F.44)	I am eleventy-one today (F.54)	eleventy-one years (F.54)	eleventy-one years (F.55)
Польский: Władca Pierścieni. Maria Skibniewska.	Sto jedenastej rocznicy (39)	Sto jedenaście lat (40)	Sto jedenaście lat (50)	Sto jedenaście lat (51)	Sto jedenaście lat (52)
Болгарский: Властелинът на Пръстените. Любомир Николов.	Сто и единадесетия си рожден ден (23)	Сто и единадесет (24)	Сто и единадесети рожден ден (31)	Сто и единадесет години (32)	Сто и единадесет години (33)
Латышский: Gredzenu Pāvēlnieks. Ieva Kolmane.	simt vienpadsmito dzimšanas dienu (41)	svinēt simt vienpadsmito dzimšanas dienu - 111 (42)	Šodien ir mana simt vienpadsmitā dzimšanas diena... man šodien aprit simt vienpadsmit gadu! (52)	simt vienpadsmit gadu (52)	simt vienpadsmit gad (53)

Однако существуют и переводы, где толкиновский неологизм передан совершенно точно. В основном они сделаны на германские языки, которые во многом строятся по тем же принципам и из тех же элементов, что и английский, поэтому переводчикам было довольно легко следовать за Толкином и создавать неологизмы на такой же основе.

Перевод	eleventy-first birthday (F.43)	eleventy-one, 111 (F.44)	I am eleventy-one today (F.54)	eleventy-one years (F.54)	eleventy-one years (F.55)
Немецкий: Der Herr der Ringe Wolfgang Kregge	einundelfzigsten Geburtstag (37)	Bilbo wurde schliesslich einundelfzig, 111 (38)	Heute ist mein hundertelfter Geburtstag: ich bin heute einundelfzig geworden! — »Hurra! (47)	daß einundelfzig Jahre (48)	einundelfzig Jahre (49)
Немецкий: Der Herr der Ringe Margaret Carroux	einundelfzigsten Geburtstages	Bilbo wurde einundelfzig, in, eine recht eigenartige Zahl	Heute ist mein hundertelfter Geburtstag: einundelfzig bin ich heute! — »Hurra!	daß einundelfzig Jahre	einundelfzig Jahre
Голландский: De Heer der Ringen Mensink-van Warmelo	eenentelftigste verjaardag zou	'eenentelftig' worden	eenentelftig geworden	eenentelftig jaar	eenentelftig jaar
Голландский: In de ban van de ring. Max Schuchart	Elftigeneerste verjaardag (39)	Elftigeneen (40)	Elftigeneen (49)	Elftigeneen jaar (49)	Elftigeneen jaar (50)

В славянских языках добиться подобного эффекта гораздо сложнее, поэтому заслуживает внимания попытка второго польского переводчика, Jerzy Łozinski, который также попытался изобрести неологизм, основанный на трех единицах этого числительного, по-русски его вариант звучал бы как «трехединичковый» день рождения.

Перевод	eleventy-first birthday (F.43)	eleventy-one, 111 (F.44)	I am eleventy-one today (F.54)	eleventy-one years (F.54)	eleventy-one years (F.55)
Польский: Władca Pierścieni. Jerzy Łozinski	Sto jedenastych urodzin (35)	Obchodzić "trójjedyńkowe" urodziny (36)	Moje sto jedenaste urodziny... kończę "trójjedyńkowe" rok życia (47)	Sto jedenaście lat (48)	Sto jedenaście lat (49)

Еще одно элегантное решение можно найти в переводе ВК на иврит. В иврите, так же, как и в славянских языках, число «одиннадцать» – אָחַד-עָשָׂר [achad asar] состоит из двух корней – אָחַד [achad: 1] и עָשָׂר [asara: 10]. Соответственно, переводчице пришлось проявить изобретательность, чтобы придумать красивый и подходящий по смыслу неологизм. Полученный вариант выглядит так: חַדְעָשָׂרִים-וְאָחַד [chadasarim vэ achad]. Корень -חַד [chad: одно-] – производный от אָחַד [achad: один], используется, например, в слове חַדְמַשְׁמַחַח [chad-mashmash: однозначный]. Окончание עָשָׂר [asara: десять] – заменено на множественное число עָשָׂרִים [asarim: десятки]. В иврите нет гласных букв, вместо них используются некудот – знаки огласовки. В обычном тексте они ставятся лишь в редких иностранных словах, вымышленных именах персонажей (таких, как Бильбо Бэггинс) или в неологизмах, т.е. когда читатель скорее всего заранее не знаком с данным словом. В неологизме חַדְעָשָׂרִים-וְאָחַד [chadasarim vэ achad] некудот были расставлены, что исключает возможность прочтения элемента עָשָׂרִים [asarim] как עָשָׂר [эсрим] – число 20, которое пишется точно так же.

Большую помощь в создании этого неологизма переводчице оказала специфика языка иврит – возможность моделировать практически нескончаемое количество вариантов на основе одного корня, заменяя только огласовки.

Литература:

J.R.R. Tolkien, The Lord of the Rings. New York: Ballantine Books, 1965.

Толкиен Джон Рональд Руэл. Властелин Колец: В 3 т. / Пер. с англ. В.Муравьева и А.Кистяковского; Предисл. В.Муравьева. М.: Радуга, 1988-1992.

Толкин Джон Рональд Руэл. Властелин Колец / Пер. с англ. Н.Григорьевой, В.Грушецкого. СПб.: Северо-Запад, 1992.

Толкин Д.Р.Р. Повесть о Кольце: Роман: В 1 т. / Пер. с англ. (в сокращении) З.А.Бобырь. М.: СП Интерпринт, 1990.

Толкин Дж.Р.Р. Властелин Колец: В 3 т. / Пер. с англ., предисл., коммент. М.Каменкович, В.Каррика, С.Степанова. СПб.: Терра-Азбука, 1994-1995.

Толкин Дж.Р.Р. Властелин Колец: В 3 т. / Пер. с англ. В.Волковского, Д.Афиногенова, В.Воседого. М.: ООО "Изд-во АСТ", СПб.: Terra Fantastica, 2000.

Толкиен Джон Рональд Руэл. Властелин Колец: Избранные главы из легендарной Алой Книги, рассказанные профессором Толкиеном: В 3 частях / Пер. Л.Л.Яхнина. М.: Армада — "Изд-во Альфа-книга", 2001. (Серия "Волшебный мир Джона Р.Р.Толкиена")

Толкин Дж.Р.Р. Властелин Колец: CD-ROM / Пер. с англ. А.Грузберга и Е.Александровой, редакция Е.Александровой. М.: ИДДК, 2000.

Толкин Дж.Р.Р. Властелин Колец: В 3 т. / Пер. с англ. А.Немировой. М.: ООО "Изд-во АСТ"; Харьков: Фолио, 2002.

Толкин Дж.Р.Р. Хоббит, или Туда и обратно. Властелин Колец: Трилогия / Пер. В.А.М. М.: Эксмо, 2003.

Толкин Дж.Р.Р. Властелин Колец: В 3 т. / Пер. с англ. А.Грузберга; стихи в переводе А.Застырка. Екатеринбург: У-Фактория, 2002.

Толкиен Дж.Р.Р. Володар Перснів. Трилогія. Кн. 1:Хранителі Персня / Пер. с англ. А.В. Немирової; Худож.-оформлювач П.С. Риженко. Харків: Фоліо, 2003.

Толкин Дж.Р.Р. Властелинът на Пръстените. / Прев. Любомир Николов. София, "Бард", 1999.

Tolkien J.R.R. Pán prstenů. / Přeložila Stanislava Pošustová. Mladá fronta: Praha, 1990.

Tolkien J.R.R. Władca Pierścieni. / Tłumaczyła Maria Skibniewska. Czytelnik,, Warszawa, 1981.

Tolkien J.R.R. Władca Pierścieni. / Przetłóżył Jerzy Łozinski. Zysk I S-ka,, Warszawa, 1996.

Tolkins, Džons Ronalds Rūels. Gredzenu Pavēlnieks. 1. Daļa - Gredzena Brālība. / Trans. Ieva Kolmane. Rīga, "Jumava", 2002.

Tolkien J.R.R. Der Herr der Ringe. / Übersetzung Margaret Carroux. Klett-Cotta, Stuttgart, 1969.

Tolkien J.R.R. Der Herr der Ringe / Übersetzung Wolfgang Krege. Klett-Cotta, Stuttgart, 2002 (12. Auflage).

Tolkien J.R.R. In de ban van de Ring (herziene vertaling in 1 boek) / Vertaald door Max Schuchart. Utrecht: Het Spectrum, 1997.

Tolkien J.R.R. De Heer der Ringen. / Vertaald door Mensink-van Warmelo. Самиздат 1977.

טולקין ג'.ר.ר. שר הטבעות / תדגמה מאנגלית: רות לבנית, תרגום השירים: אוריאל אופק, זמורה-ביתן מוציאים לאור: תל-אביב, 1998.

The Lord of the Rings: The Fellowship of the Ring (Special extended DVD edition on 4 discs). Peter Jackson Director, New Line Home Entertainment, 2002.

Русские титры к расширенной версии:

<http://lotr.snt.ru/forum/showthread.php?s=&threadid=781>

Азрафэль (Ольга Белоконь)

Прежде всего хочу заметить, что доклад очень интересный и содержательный. На мой взгляд, недостатком доклада является не очень хорошее знакомство автора с христианской метафизикой, а также недостаточно полный разбор категории смерти в творчестве Толкина. Но начну по порядку.

Метафизика в художественном произведении, безусловно, есть. Наверное, литературоведы отыщут ее и в самых нудных любовных романах, что уж говорить о творчестве такого «философского» автора, как Толкин. Можно, конечно, говорить о метафизике «Властелина Колец» или «Хоббита». Говорить же о метафизике всего творчества писателя, хотя бы только того раздела творчества, который касается Арды, нужно осторожно. Концепции «Утраченных сказаний», скажем, во многом отличны от последующих творений Толкина. На протяжении всей жизни он писал и переписывал цикл легенд, в них менялось не только внешнее оформление или сюжет, изменение претерпевала и сама основа, метафизика Арды, так сказать, хотя, разумеется, в гораздо меньшей степени, нежели все остальное. Потому, говоря о метафизике творчества Толкина, нужно иметь в виду, что это не устойчивая, раз и навсегда данная система, но изменяющийся со временем «объект». Толкин развивал какие-то концепции, потом их бросал, потом возвращался к ним вновь, кроме того, разные концепции уживались в его творчестве одновременно. По всей видимости, Толкин так и не создал (да и хотел ли создать?) четкую, непротиворечивую метафизику Арды. Исходя из этого положения, я постараюсь рассмотреть ниже все идеи, которые возникали у него по поводу смерти и проследить их хронологию. Дмитрий в своем докладе прослеживал хронологию идей Толкина, но, на мой взгляд, недостаточно четко.

Теперь по поводу «противопоставления христианской метафизике». На обыденный взгляд (а здесь я выступаю как обыватель с некими начатками философского образования и некоторым понятием о теологии) дело вот в чем: либо некая метафизика

А идентична метафизике В, либо нет. Либо метафизика Толкина христианская, либо нет. Понятие «не такая, но не противоречит» мне представляется странным. Если она не такова в отдельных пунктах, тогда именно там она и противоречит. Разумеется, создавая мифологию вымышленного мира, Толкин не раскладывал перед собой труды Отцов Церкви и иных уважаемых людей, потому, разумеется, его метафизика не обязана совпадать точка в точку с мнением, скажем, Фомы Аквината, хотя в жизни Толкин, разумеется, был добрым католиком и труды оных отцов читал и читал.

Но вот противоречит ли понятие смерти в творчестве Толкина христианской метафизике? Дмитрий Виноходов утверждает, что противоречит. Я думаю, что дело обстоит куда сложнее, чем описано в докладе Дмитрия, что и покажу в данном отзыве.

Начнем с метафизики христианства (раз уж сам Дмитрий выбрал ее для сравнения). Сразу скажу, что в этом, как и во всех вопросах метафизики, у христианства как течения существует несколько точек зрения, исходящих из одного базиса. Многие говорят, что христианство противоречиво, это так и есть. Тут дело и в том, что христианство по сути своей парадоксально (это как дзэнский «хлопок одной ладони» - разрешение парадокса, неразрешимого на обычном уровне, приводит к более глубокому уровню осознания, к «просветлению»), и в том, что многие вопросы, даже и касающиеся напрямую спасения, решаются каждым теологом по-своему. И соборы принимают решение, осудить ли данное мнение (как был осужден Ориген или Лютер), как противоречащее догмату, либо принять его как возможное. По словам Августина: «В главном – единство, в спорном – свобода, и во всем – любовь». К тому же существуют мнения, не выносимые на соборы и как бы развивающие и дополняющие мысли догматического характера.

Догмат известен всем и описан в Катехизисе (одинаково как в Православном, так и в Католическом): смерть не была присуща людям изначально, она есть наказание за совершенный первыми людьми грех, она есть следствие изменения природы человека и присуща всему человеческому роду. У Димы здесь все написано верно, я просто кратко повторяю, чтобы читатели не потеряли мою мысль.

Однако христианство не было бы христианством, если бы остановилось на этой простой мысли. На эту обязательную основу накладываются дальнейшие размышления. Святой Ириней Лионский (живший до разделения Церкви, то есть признан как католиками, так и православными) заметил, что смерть – не только наказание, но еще и дар Божий. Все, что дает Господь – ко благу, Господь не творит зла. Значит, смерть не только зло, как мы ее видим, но еще и добро для человека, который, будучи бессмертным и грешным, вообще не смог бы спастись. Ибо «похоть» (этим словом называются все вожделения человека, а не только сексуальные страсти), корень зла в человеке, приносит свои плоды все время, и только смерть не дает человеку погрязнуть в грехах окончательно. Бесконечно долгая жизнь – бесконечное число грехов, из этого видно, что смерть для *падшего* человека есть и благо. Я не случайно подчеркнула «для падшего», ибо для непадшего, безгрешного человека смерть, разумеется, есть абсолютное зло. Итак, мнение о том, что смерть, как дар Господа, еще и благо, была сформулирована довольно рано, впоследствии эта мысль не была оборвана, к ней

возвращаются многие философы и теологи христианства.

Приведу один бытовой пример. Христиане отмечают праздник какого-либо святого в день его смерти не только потому, что часто дату смерти установить проще, чем дату рождения. Смерть часто называется здесь «рождением для неба», смерти святого, таким образом, придается положительная окраска.

Но и по поводу изначального бессмертия человека не все так просто. «Смерть – следствие греха. Хотя природа человека смертна, однако Бог планировал даровать человеку после испытания более совершенный способ бытия – без смерти. Человек, однако, избрал смерть, нарушив заповедь Бога вкушением с древа познания добра и зла» («Катехизис Католической Церкви», краткая версия). По поводу смертности или бессмертия первочеловека, Адама, у Лосского есть интересное замечание. Он пишет, что Адам не был ни смертным, ни бессмертным в обыденном понимании этих слов, в нем были заключены обе эти потенции. Мысль Лосского напрямую соотносится с мыслью Катехизиса (хотя сам Лосский католиком не был). Эта мысль кажется весьма занимательной в контексте рассмотрения состояния человека до падения у Толкина.

По поводу смерти телесной и смерти духовной. Прочитую пару строк из доклада Дмитрия: «Под **телесной** смертью понимают разлучение тела и души, которая оживляла его. Вследствие этого тело теряет чувства и разрушается». С первым предложением все в порядке, насчет второго можно сказать прямо противоположное: так как тело не может больше служить душе, та отлетает от него. Это тонкости, и я, видимо, занудствую, но в вопросах христианства мелочей не бывает, так что простите за лишний для многих абзац.

Про духовную смерть сказано в целом правильно. Единственно, на что хочу обратить внимание Димы – на две смерти в христианстве. Это очень важно. Первая смерть происходит здесь, на земле, когда человек умирает «обычной», телесной, смертью. Эта смерть обязательна для всех (немногие попали на небо прямо живьем, Илия, например), даже Господь не избежал ее. Вторая смерть – это смерть после Страшного Суда, после конца истории человечества. Смерть эта состоит в вечном пребывании вне Господа, в аду. Эта, вторая смерть, ждет не всех, а дьявола и его слуг, а также разных грешников. Эту, вторую смерть можно воспринимать и как грозное напоминание: возможно, спасутся все люди, однако возможность «умереть второй раз» все же существует.

Вообще, понятие посмертного суда очень важно для осмысления самого факта смерти, без суда смерть – всего лишь прерывание жизненного пути, недаром по представлениям многих древних народов после смерти душу ждет вечное настоящее, в котором человек продолжает заниматься теми же делами, что и при жизни.

Таким образом, метафизическая картина смерти в христианстве выглядит достаточно сложной. Это и наказание, и дар, и печаль, и радость, и смерть телесная, и смерть духовная, наконец, есть просто смерть, а есть «вторая, окончательная» смерть.

Теперь перейдем к рассмотрению метафизики смерти в творчестве Толкина. Сложная картина «Утраченных сказаний», вобравшая в себя и черты северной мифологии, и представление о посмертном суде (в аутентичной северной мифологии отсутствующей), более нигде не возникает. Потому оставлю исследование мотивов «Утраченных» и их связь с позднейшей мифологией Толкина специалистом, а сама сразу перейду к дальнейшим концепциям.

Рассмотрим сначала смерть для народа эльфов – вымышленного народа. «Мнимая» смерть эльфов (она «мнимая» по сравнению со смертью людей) описывается как неестественное разлучение хроа (тела) и фэа (души), устранимое при известных условиях в Кругах Мира. Кроме того, для эльфов существует и «вторая смерть». Так как эльфы связаны с Ардой, то, когда Арда прекратит свое существование, должны исчезнуть и эльфы, и хроа, и фэа. Здесь в творчестве Толкина виден отголосок христианских мыслей по поводу сидов Ирландии, эльфов и других волшебных существ: считалось, что Волшебная страна исчезнет, развеется, как сон, после конца мира. Потому смертным не рекомендовалось поселяться в этой стране, ведь они бы «развеялись», исчезли бы навсегда вместе с ней, лишив себя вечной жизни. Разумеется, такой финал эльфов не устраивал. Не устраивали и «промежуточные» финалы: существование бездомных фэа после гибели Арды и всех хроа; существование эльфов «в воспоминаниях». «И потому последним прибежищем эльфов была, как они говорили, «чистая эстэль»: вера в Эру, вера в то, что Он намерен дать после Конца каждой фэа, будет вполне удовлетворительным (по меньшей мере)». («Атрабэт»: Комментарий).

Эта «Тень впереди», а не частная, «мнимая» смерть, и определяла мышление и мировосприятие у эльфов («Атрабэт»: Комментарий). Более всего восприятие «второй» смерти эльфов похоже на восприятие смерти неким неиспорченным народом Земли, не знающим Откровения. У них нет понятия суда, поскольку они не грешны по природе; они не знают, что будет после смерти, потому что не было Откровения; они не мыслят себе существования в виде «голых» духов. Вполне благочестивая с христианской точки зрения концепция. Относительно нее можно сказать, что она вполне если и не

«христианская», то в христианском духе. Те элементы картины, что не могут быть поняты без Откровения (о существовании после Конца Мира) не достраиваются выдумками, а просто отсутствуют; а эльфийская «чистая эстэль» – прямой аналог христианской веры в Творца, доверие к Нему.

Теперь рассмотрим концепции смерти у людей. Сначала возникает концепция смерти как «дара» Бога людям (варианты «Айнулиндалэ», «Сильмариллион»). Толкин писал, что предания «Сильмариллиона» «эльфоцентричны», значит, это

взгляд *эльфов* на *человеческую* смерть. Вспомним, что, по легендам, эльфы встретили людей уже смертными и не знали людских сокровенных преданий – это «объяснение внутри вторичного мира» подобной точки зрения на смерть. «Снаружи», с точки зрения автора, похоже, что Толкин изначально сделал людей Арды смертными. Позже появляется вторая концепция смерти как наказания за некое ужасное преступление, совершенное в древности людьми, связанное с их Падением («Атрабэт»).

Эти две концепции дара и наказания так и продолжали существовать у Толкина вместе, как две стороны одной медали. Можно сказать, что писатель так не остановился ни на одной из них, а можно сказать, что, будучи глубоко религиозным человеком, Толкин понимал, что любое наказание Творца есть еще и дар, так же как и любой дар может обернуться наказанием (вспомнить Иону, который вовсе не считал свой пророческий дар таким уж благословением).

Дмитрий совершенно верно пишет, что смерть для людей – это не только разлучение хроа и фэа, а также выход фэа за Круги Мира. Вместе с тем существует версия, что люди собираются в чертогах Мандоса, но отдельно от эльфов («Сильмариллион»). Позже Толкин в «Перевоплощении эльфов», которое Кристофер датирует где-то между 1955 и 1959 годом, писал: «...души умерших смертных Эру также «давным-давно» поручил Мандосу». Так или иначе, но люди, даже и после пребывания в Мандосе (нигде, кстати, не говорится о сроках этого пребывания) «должны покинуть Время» и Круги Мира. Что с ними бывает за пределами Мира, неизвестно, предания на этот счет молчат. Весьма интересная лакуна.

Но это – смерть *падших* людей. Грехопадение также является одной из существенных тем творчества Толкина: «Так или иначе, перед нами всегда три проблемы – Грехопадение, Смерть и Машина». Смутные намеки на падение есть в «Сильмариллионе»: «Тьма лежит за нами, - молвил Бээр». Да и эльфы прозревали «тень» в сердцах всех людей, даже самых преданных эльфам союзников. Таким образом, можно сказать, что концепция Падения людей изначально присутствовала в мифологии Арды.

Связано ли Падение со смертностью людей? Поначалу ответа на этот вопрос нет, кажется, что поначалу смертность как таковая с Падением не связывалась. Падение влияло на отношение к смерти, на страх смерти, но не на саму ее сущность. Однако в «Атрабэт» появляется новая концепция смертности людей. Андрэт говорит Финроду, что «люди рождены для вечной жизни, для жизни без конца». Сразу же возникает мысль о наказании: «И потому я спрашиваю, Андрэт: что сделали вы, люди, в те далекие годы, покрытые мраком? Чем прогневили вы Эру?» Путем рассуждений о природе людей Финрод и Андрэт приходят к выводу о том, что *изначально люди должны были уходить из Кругов Мира целостными, и фэа, и хроа*. «...тогда фэа, что лишь странница здесь, в Арде, связана нерасторжимым браком с хроа из Арды, и разлука для них мучительна, но при этом оба должны следовать своему естеству, не подавляя друг друга. А это значит, что фэа, уходя отсюда, должна забрать с собой хроа. А ведь это означает, не больше не меньше, что фэа сможет вознести хроа, своего вечного супруга и спутника, к вечной жизни за пределами Эа, за пределами Времени!» На людей была возложена миссия исцеления Арды, отравленной морготовым искажением. «Так вот зачем пришли

люди – не последыши, а наследники, завершающее начатое, - выправить Искажение Арды, предвиденное прежде, нежели были они замыслены, и более того – явить величие Эру, возвысить Песнь и превзойти Видение Мира!»

После того, как люди признали Моргота своим Властелином и Богом, в их природе произошла коренная перемена. *Люди стали смертны*. «Говорят, что Несчастье случилось на заре истории нашего народа, когда еще **никто не умирал**» (выделено мною – О.Б.). «И мы начали умирать в ужасе и в муках, страшась уйти во Тьму. Тогда мы воззвали к своему Повелителю, моля спасти нас от смерти, но он не ответил» («Рассказ Аданэль»). В других вариантах Падения, более кратких, Единый говорит: «Если Тьма – ваш бог, мало света обретете вы здесь, но скоро оставите его и придете ко Мне, дабы познать, кто лжет: Мэлькор или Я, сотворивший его». Разумеется, подобную перемену не совершил сам Моргот, это сделал Единый. «Точнее, Финрод хотел сказать, что Мэлькор не «изменил» людей, а «соблазнил» их (смайл к себе на службу) в самом начале их истории, и тогда Эру изменил их «судьбу»».

Итак, получается, что смерть как разделение фэа и хроа неестественна не только для эльфов, но и для людей. Можно ли назвать вознесение непадшего человека «смертью», трудно сказать. Я сформулирую это так: выход за Круги Мира – естественно для человека, разлучение хроа и фэа – неестественно. Для Андрэт смерть была прежде всего разлучением хроа и фэа, потому она называла состояние непадшего человека «бессмертием». Да и Финрод думал так же: «Ибо что такое ужасная для вас смерть, если не разлука хроа с фэа? И что такое утраченное вами бессмертие, если не неразрывность этого союза?» С точки зрения философии, возможно, подобное состояние нельзя назвать ни смертным, ни бессмертным, как Адама у Лосского.

Почему же греховно и неправильно стремиться к вечной жизни? Во-первых, потому, что это невозможно «в Кругах Мира». Смерть стала судьбой людей, и, дар это или наказание, а может, и то, и другое, закон смерти изменить не могут даже Валар. Во-вторых, стремление к «телесному» бессмертию часто есть стремление к благам этого мира, истинное же бессмертие непадшего человека ведет за пределы Мира. Толкин писал, что восстание против Смерти влечет за собой жажду Власти (письмо к М.Уолдмену). Так что жажда бессмертия в конечном итоге оборачивается восстанием против Творца, и Толкин упорно настаивает на смертности людей, на невозможности вновь вернуть себе свою изначальную природу, по крайней мере, в мифе Арды.

Осталось рассмотреть смерть духовную и посмертный суд. Смерть духовная, хоть и нигде не названа такими словами (Толкин вообще избегает прямых ссылок на христианство, в его мифе нет слов «грех», «богоугодное» и прочих «христианизмов»), по описанию у Толкина все же присутствует. Самый яркий пример – назгуулы. Они вполне материальны, и, хотя под короной Короля-Чародея «пустота», смех оттуда звучит вполне настоящий. Назгуулы не могут проходить через стены, летать и вообще перемещаются в пространстве как обычные люди, они пользуются оружием, доспехами и одеждой. В общем, можно сказать, что тело у назгуулов есть, хоть и несколько измененное. Но вот что насчет души? Мудрые во «Властелине Колец» (Гэндальф, Арагорн) говорят, что у назгуулов нет собственной воли, что они как перчатка на руке Саурона, слушающаяся приказов руки. Здесь мы видим полнейшее поглощение

Сауроном чужой воли, полную марионеточность существования. Но ведь это и есть признаки духовной смерти! Значит, назгуулы и есть духовные мертвецы, на их примере мы видим духовную смерть в Арде.

Кроме того, существуют и иные примеры духовной смерти. «Измельчание» павших духов, от Моргота и Сауона до тех, кто вселялся в тела орков, очень хорошо подходит для описания процесса духовной смерти. Сами орки (хотя есть разные мнения на этот счет у наших толкинистов), на мой взгляд, тоже духовно мертвы.

Что касается посмертного суда, то у Толкина об этом ни слова. В этом месте зияет лакуна, достоверные сведения обрываются на моменте ухода человеческой фэа из Времени, дальше – неизвестность, которая заполняется только эстэль. Зато понятие посмертного суда и исправления наличествует у эльфов, умирающих «мнимой» смертью и попадающих в Мандос. Более того, без суда Мандоса ни один эльф не может возродиться к жизни, и вынужден пребывать «бездомным фэа» – состояние, мучительное и отвратительное для эльфа.

Рассмотрев и сравнив концепции смерти в христианстве и в мифе Толкина, обратимся к выводам, которые сделал Дмитрий, и сделаем свои. Но прежде я хочу обратить внимание на одну вещь. Я могу сделать так же, как сделал Дима – выделить из двух множеств похожие части и продемонстрировать полную идентичность понятий смерти у Толкина и в христианстве (Дима сделал наоборот – выделил наиболее непохожие части и сделал вывод о разности этих понятий). Но это также будет не совсем верным. Мне кажется, что нужно рассмотреть оба множества как они есть и понять, чем они отличаются и почему. Для начала выводы Димы.

«Итак, рассмотрев смерть в двух системах – в христианской метафизике и в метафизике Толкина, мы видим, что эта категория, являясь одной из центральных в обеих из них, имеет, тем не менее, совершенно различные толкования:

- в первой смерть предстает в двух ипостасях – смерть телесная и смерть духовная, во второй она едина – смерть людей отлична от мнимой смерти иных существ;
- в первой смерть телесная представляет собой разлучение души и тела, во второй смерть – это уход фэа за пределы Кругов Мира;
- в первой все умершие (до 34 г. по Р.Х.) после смерти отправлялись в ад (за исключением преодолевших смерть и вознесенных на небо в телесной форме Енох

- и Илии), во второй – умершие люди направлялись к Эру за пределами Эа;
- в первой смерть не изначально присуща людям, во второй – изначально присуща людям и только людям;
 - в первой смерть возникла в результате грехопадения человека, во второй – задумана Эру еще до пробуждения людей и никоим образом не связана с их Падением;
 - в первой смерть является наказанием за неповиновение Богу, во второй – даром Илуватара, особой привилегией людей;
 - в первой смерть – временное свойство падшего и тем ущербного человеческого рода, и в отдаленной перспективе должна быть преодолена в результате воскресения, во второй – не имеет обозначенной перспективы изменения, а людям суждено вступить во Второй Хор Айнур за пределами Эа».

Приведу теперь те же послышки, но со своими соображениями насчет мира Арды, по основаниям, изложенным выше в данном отзыве:

- как и в христианстве, смерть у Толкина может быть телесной и духовной;
- в обеих системах смерть прежде всего – разлучение души и тела, а «небеса» христианина – не некое место в мире, но некое состояние, с миром не связанное, то есть душа человека, по христианским представлениям, тоже «выходит за границы Времени»;
- ад (или чистилище) христианства у Толкина заменяет Мандос, срок выхода из которого не определен (люди там могут находиться вплоть до Воскресения Христова);
- смерть как разлучение души и тела присуща падшим людям в обеих системах;
- смерть связана с Падением людей, до Падения люди были так или иначе бессмертны;
- смерть связана с наказанием, так же как и с даром, ибо «все, что от Господа – дар»;
- разделение души и тела неестественно и должно быть преодолено, христианство знает, как именно, обитателям Арды остается «чистая эстэль»; Второй Хор – аналог Небесного Иерусалима, то есть состояния, при котором люди, освобожденные от грехов, будут со-творить Творцу.

Как видно, аргументы обеих сторон чего-то недоговаривают, берут из двух множеств только нужные им части, в первом случае – не похожие, одинаковые – во втором. Правда же состоит в том, что метафизика Толкина развивалась, и без учета этапов ее развития невозможно сделать однозначный вывод – в одном месте сказано одно, в другом другое. Чтобы понять, как именно развивалась мысль писателя, рассмотрим его концепцию возрождения эльфов. Это тем более важно, что эта концепция изменилась именно в то время, когда писалась «Атрабэт» и комментарий к ней.

Изначально было положено, что эльфы навсегда остаются в Кругах Мира, до конца мира по крайней мере. С самого же начала было понятно, что эльфы, утратившие хроа, не могут «восстановиться» самостоятельно. Они бродят бездомными фэа, пока не придут в Мандос. Мандос же решает, когда фэа могут обрести хроа. В «Законах и обычаях» сказано, что эльфы могут обрести хроа двумя путями: либо восстановить

его с помощью воспоминаний фэа, либо родиться заново. В последнем случае эльф, подрастая, все больше становится похожим на свое прежнее воплощение внешне, а также в нем пробуждается его прежняя память.

Однако хроа – не просто Дом для фэа, этот тот Дом, что предназначен для одного конкретного Жильца.

«А мы считаем, что согласие хроа и фэа присуще истинной, неискаженной природе всех Воплощенных, Мирроанви, как зовем мы детей Эру» («Атрабэт»).

Целостный эльда – это союз фэа и хроа, причем совершенно конкретных. В эссе «Перевоплощение эльфов», написанном после «Законов и обычаев», где-то в период работы над комментарием к «Атрабэт», Толкин бегло обсуждает различные трудности, связанные с новым рождением эльфов: «самое убедительное возражение состоит в том, что эта идея противоречит фундаментальному представлению, что фэа и хроа неразрывно связаны друг с другом: поскольку хроа имеют физическую природу, новое тело, происходящее от других родителей, должно быть другим», и это должно причинять боль возрожденной фэа. Как пишет Кристофер, Толкин оставляет, причем навсегда, концепцию возвращения эльфов к жизни путем нового рождения. Единственный выход – это восстановление прежнего хроа по воспоминаниям фэа.

Более того, как сказано в том же «Перевоплощении эльфов»: «Воскресшее тело (по крайней мере, у эльфов), было в определенном смысле бестелесным. Но если оно могло при желании преодолевать материальные преграды, оно могло также и создавать их. Воскресшее тело можно потрогать. Его положение в пространстве зависит от желания хозяина». Это воскресшее эльфийское тело по характеристикам очень похоже на описание тела воскресшего Христа: его также можно было потрогать, Он даже ел и пил, и, тем не менее, свободно проходил через запертые двери и оказывался в разных местах, довольно далеких друг от друга. Не думаю, что Толкин сознательно это сделал, к идее об особых свойствах воскресенного тела его привел христианский образ мышления. А человека именно в таком, целостном понимании души и тела описывал, например, Фома Аквинат. Заметим, что для Толкина целостность – аксиома мира, как для эльфов, так и для людей, для всех «Детей Единого».

Итак, можно видеть, как концепция возрождения эльфов в своем развитии становилась все более логичной и все более напоминала христианские изыскания в области воскресения *людей*.

Теперь рассмотрим логическое развитие мысли в «Атрабэт». По большей части это сделал сам Толкин в «Комментарии» к ней, но здесь нам тоже есть что сказать. Обращает на себя внимание первая фраза «Комментария»: «Эти рассуждения вряд ли кажутся интересными современным людям (или людям, считающим себя таковыми), но могут представлять некоторый интерес для людей, которые придерживаются тех

же верований или предположений, что эльфийский король Финрод». Разумеется, эти верования общие и для Арды, и для Земли, то есть основа рассуждений «Атрабэт» та же, что и в известном писателю мире. Более того, она прямо-таки христианская.

Финрод исходит из того, что существует Творец, Единый, который задумал Мир и воплощает его по сию пору, но Сам Миром не является. Существуют Воплощенные, которые представляют собой союз хрóa и фэа. Хрóa и фэа – оба от Единого, но в разной степени, они задуманы друг для друга, для жизни в вечном согласии. Фэа уничтожить нельзя, хрóa – можно. Разделение хрóa и фэа неестественно и противоречит изначальному замыслу, и исходит из «Искажения Арды», виной которому Мэлькор. Следовательно, «бездомная» эльфийская фэа имеет возможность вернуться к жизни во плоти. Это и в самом деле так, возрождение эльфов происходит через Мандос.

Фэа же людей по своей природе очень напоминают эльфийские фэа, но они другие. Люди – гости этого мира, и эльфы верили, что рано или поздно фэа людей, расставшись с телом, покидают Время и не возвращаются. Эльфы знали, что все люди умирают и считали это естественным для людей. Однако Финрод узнает, что у людей существует предание, будто бы когда-то давно они были бессмертны. С одной стороны, это похоже на правду: разлучение фэа и хрóa неестественно и мучительно. Так как для одного хрóa существует только одно фэа, мысль о реинкарнации не возникает. Так как мысль о том, что тело – лишь оковы, порождает презрение к телу, то она от Моргота. Значит, смерть людей в ее нынешнем виде – искажение. Но в то же время люди изначально не могут быть такими же, как эльфы, иначе не было бы смысла в их сотворении. Человеческая фэа – гость этого мира. Из этого Финрод делает вывод (может быть, и чисто интуитивный), что изначально человеческая фэа должна была забирать с собой хрóa в вечную жизнь вне Времени. Так как хрóa сделана из вещества Арды, тем самым дух облагораживал бы материю и избавлял ее от Искажения, и таким образом вся Арда могла бы исцелиться.

Однако в действительности люди пали, и смерть их стала насильственным разлучением хрóa с фэа. Как же теперь исцелится Арда? В дальнейших рассуждениях Финроду помогает эстэль. Это настолько важное понятие и оно настолько совпадает с тем, что христиане называют «верой», что я позволю себе процитировать кусочек «Атрабэт»: «Есть две надежды, - ответил Финрод. – То, что зовут «надеждой» люди, мы называем «амдир», «взгляд вперед» (букв. «взгляд вверх»). Но есть еще другая надежда, ее основания – глубже. «Эстэль», «вера», зовем мы ее. Никакие события в Мире не могут поколебать ее, ибо она зиждется не на опыте, но на нашем естестве и изначальноном бытии. Ибо если мы воистину Эрухини, Дети Единого, Он не позволит лишить Себя своего достоинства – не позволит ни Врагу, ни даже нам самим. Вот первооснова эстэль, и мы не теряем ее даже в предвидении Конца: что все Его замыслы неизменно ведут к радости Его Детей». Без эльфийских слов «амдир» и «эстэль» эту фразу может произнести каждый искренний христианин. Финрод твердо уверен в своем «сыновстве», так же, как христианин – в таком же «сыновстве» у Бога.

Мэлькор же был могущественнейшим из Валар, и исправить Искажение, внесенное им в Арду, силами тех, кто находится внутри Арды, после Падения людей невозможно. «Так что если есть какое-то исцеление, новый свет, что рассеет тьму, лекарство, что залечит раны прежде, чем все кончиться – оно, думается мне, должно прийти извне». Андрэт рассказывает Финроду о «людях Древней Надежды» и о том, во что они верят: «Говорят, - ответила Андрэт, - говорят, будто Единый Сам вступит в Арду и исцелит людей и все Искажение, с начала до конца». Но как может певец войти

в песню или художник в картину, как Творец Мира может войти, присутствовать лично в Море? На этом месте Финрод начинает догадываться о сложной природе Единого, который, войдя в Мир, все же одновременно остался бы и вне Мира. И все же Он остается «Единым». Некоторые намеки на сложную сущность Эру есть, кстати, и в «Айнулиндалэ», где упоминается «Негасимый Пламень», означавший, видимо, «Творческую Деятельность Эру (в некотором смысле отдельную от Него или независимую внутри Него)» («Атрабэт», примечание к «Комментарию»). Далее, как пишет Толкин, Финрод мог бы продолжить логическую цепочку и прийти к мысли о том, что Единый должен явиться в Арду в образе человека, но в самой «Атрабэт» этого нет.

Итак, следуя логике, основанной на аксиомах Арды, Финрод, а вместе с ним и читатели, приходят к идее Воплощения Бога в Море ради его спасения. Да еще Бога в человеческом облике! Идея чисто христианская. «Атрабэт» как будто бы перебрасывает мост между Ардой и нашим миром.

Подводя итоги, можно сказать, что концепция человеческой смерти у Толкина со временем менялась. Как весь мифологический цикл, она становилась все более логичной – и все более христианской. Толкин с большой осторожностью относился к перенесению идей «Первичного Мира» во «Вторичный», даже в «Атрабэт» он усматривал некую «пародию на христианство». Возможно, он предпочел бы, что все мысли, высказанные в «Атрабэт», читатель додумал бы сам. Толкин вообще считал, что миф должен пользоваться своими собственными средствами выражения, и потому не любил артуровский цикл за его откровенную христианскую проповедь. Проповедь Толкина основана на других принципах. Тем не менее, его, хоть порой и противоречивые, легенды обладают если не метафизикой в полном смысле этого слова, то хотя бы контурами ее. Очертим эти метафизические контуры для смерти, и сравним концепцию Толкина с христианскими представлениями.

Первое, что бросается в глаза – постоянное представление смерти как «дара». Здесь нет противоречия с христианской традицией, трактующей смерть двояко – как наказание и как дар. Концепция смерти как наказания есть и у Толкина, он просто акцентирует больше внимания на «даре», в то время как большая часть христиан – на «наказании». Второе – изначальная смертность людей. Здесь сам Толкин колеблется: наряду с изначальной смертностью присутствует более поздняя идея изначального человеческого бессмертия («Атрабэт»), вернее, поздняя идея как бы включает в себя первую. Идея об изначальной смертности человека относится в первую очередь к человеку *падшему*. Одновременно с идеей изначального бессмертия возникает идея смерти как наказания, смерть здесь напрямую связана с Падением людей – как и в христианстве.

Человек до Падения характеризуется как неподверженный смерти (сохраняет единство тела и души), однако все равно уходящий за пределы Мира и Времени. Этого «вознесения» нет в христианстве в таком виде. Однако можно сказать, чем оно вызвано: идеей изначального искажения мира. Адам в Эдемском саду живет в идеальном, неискаженном мире, мир приобретает черты искажения, тления только после грехопадения первых людей. Люди Толкина просыпаются уже в искаженном мире, как

ответ на это искажение и происходит «вознесение». В христианстве «вознесение» отражено в догмате об успении Девы Марии (сей догмат Толкин несколько раз упоминает в «Комментарии» к «Атрабэт» и в примечаниях к нему же). «Поскольку наш Спаситель – Сын Марии, Он, столь совершенно подчинившийся Божественной воле, не мог не воздать чести не только Вечному Отцу, но и Своей Возлюбленной Матери. И поскольку Он мог оказать Ей эту великую честь, сохранив Ее от тления и смерти, следует верить, что Он это сделал». «Так и Царственная Матерь Божия, таинственным образом соединенная с Иисусом Христом «в одном и том же Замысле» предопределения, Непорочная в воем Зачатии, Пречистая Дева в Своем Богоматеринстве, великодушная спутница Божественного Исккупителя, который одержал полное торжество над грехом и его последствиями, наконец достигла как высшего увенчания Своих привилегий сохранения от могильного тления и была взята **с душою и телом** в Небесную Славу» (отрывок из Апостольской конституции «Munificentissimus Deus» Папы Пия XII). Таким образом, успение Марии было перенесено в мифологии Толкина на весь непадший человеческий род со вполне определенной мифологической задачей.

Что происходит с людьми после смерти, предания умалчивают. Здесь Толкин не выдвигает вообще никакой концепции, а оставляет лакуну. Возможно, представления о посмертном суде казались ему слишком откровенно-христианскими, так или иначе, но он предпочел умолчать. Он говорит лишь одно: души людей покидают Время и больше не возвращаются (отметая тем самым все реинкарнации и кармы). То же говорит и христианство, с прибавлением о суде, конечно.

Освобождение человека от смерти в мире Толкина – «чистая эстэль», люди не знают, как это будет. И не могут узнать до Христа, прибавлю я от себя. Кстати, если продолжать линию рассуждений, намеченную в «Атрабэт», можно прийти к мысли о телесном воскресении людей. В самом деле – если фэа и хроа задуманы друг для друга и их разлучение причиняет боль, то Единый, желая блага Своим Детям, исправит это самым естественным образом – вновь воссоздаст хроа и воссоединит его с фэа. Но это рассуждения, на деле же писатель и в этом месте оставил лакуну.

В целом можно сказать, что метафизика смерти очень близка к христианской. Она, с точки зрения христианства, неполна: есть несколько лакун, то есть мест, где Толкин не развивает свой миф, а обходится умолчанием. Единственное место, которое не подтверждается христианскими догматами, это судьба непадших людей. Их «вознесение» обусловлено и логично вытекает из другого постулата мифа, аксиомы, которую Толкин сам отмечал как «единственную разницу»: из изначального Искращения Мира. Концепция смерти павших людей ничем не отличается от христианской концепции смерти.

Говоря в целом о метафизике мира Толкина, нужно быть очень осторожным. Если можно сказать, что у Толкина есть метафизическая система, отличная от любой системы «Первичного Мира», то система это весьма неполная, часто противоречивая, к тому же изменяющаяся со временем. Однако, взяв за основу аксиомы христианства, Толкин вольно или невольно, стараясь сделать свою систему более логичной, изменял свою систему на христианскую, как это можно видеть на примере перевоплощения эльфов и концепции смерти людей по «Атрабэт». Так что я бы сказала, что нужно тщательно рассматривать каждый элемент метафизики Арды, чтобы понять, какими гранями он христианскими, а какими нет и почему, а не валить все в кучу, говоря, что «метафизика Толкина христианская» или «не христианская».

Об оперативном отражении событий Второй Мировой войны в творчестве Дж.Р.Р. Толкина

Хэльги Липецкий

Самым известным из произведений Дж.Р.Р. Толкина стала трехтомная эпопея «Властелин Колец», написанная в период с 1937 по 1949 годы, время Второй Мировой войны. Характер действия, накладываясь на свежую память читателей о недавней трагедии, породил среди них убеждение, что сюжет навеян именно военными событиями. Некоторые литературные критики даже называли книгу ни много, ни мало как «аллегорией современной политической ситуации». Доводы противников подобной трактовки можно сжато изложить так:

- * роман был начат еще прежде войны, когда ее можно было предотвратить или по крайней мере значительно ограничить в масштабах, а многие элементы и доминирующие линии сюжета, согласно утверждениям автора, были созданы уже тогда

- * сам Профессор отрицал аллегоричность изложения и даже иронизировал над ней, «переписывая» события своей книги на манер кодированного рассказа о реальной войне — идейная подоплека менялась при этом неузнаваемо; более того, он говорил о своей глубокой неприязни к написанию аллегорий вообще, хотя, как было показано Т. Шиппи в его «Дороге в Среднеземье», не был при этом вполне честен с самим собой

- * в сознании Толкина, человека начала века, больше места должна была занимать Первая Мировая война, явившаяся потрясением для тогдашнего поколения; ко времени нового глобального конфликта его сверстники были в некоторой степени привычны к боевым действиям и особенностям военного времени

- * явного сходства в событиях реальной войны и Войны Кольца все равно нет

Тем не менее, разговоры о влиянии войны на творчество писателя не смолкают — слишком уж очевидно, что эти события никак не могли пройти мимо его внимания. Отмечалось, например: если танки Первой Мировой нашли прямое отражение в мифологии Профессора как «огненные, железные и бронзовые чудища, измышленные Мэглином в поддержку орд Мэлько для нападения на Гондолин», то реальным прототипом крылатых назгулов, насылающих своим воем смерть, ужас и отчаяние, стала бомбардировочная авиация.

Разумные наблюдения соседствуют в этой области с глубоко ошибочными: так, например, некоторые читатели неоправданно сопоставляли Пеленнорскую битву со Сталинградским сражением, хотя первая имеет куда более прозрачные и близкие исторические аналоги (это «битва

народов» на Каталаунских полях, морское сражение у полуострова Кизик близ Константинополя в 678 году и турецкая осада Вены 1683 года).

Таким образом, окончательного определения роли, сыгранной Второй Мировой в написании «Властелина Колец», пока сделать невозможно. Очевидно, что два столь кровавых противостояния усилили и обострили чувства, испытываемые людьми по отношению к вооруженной борьбе. Они способствовали появлению многочисленных попыток осмысления природы войн и наличия (или отсутствия) у них права на существование. Интерес в этой связи представляет работа Т. Шиппи «Толкин как послевоенный писатель». Само отрицание аллегорий последней войны в Войне Кольца, оставленное Толкином, имеет ахиллесову пяту: с большой долей уверенности можно предположить, будто автор отталкивался именно от реальной битвы с нацизмом, показывая, какой эта война должна была бы стать, попадись Германии более достойные противники.

Известно, что Профессор считал Вторую Мировую «главной частью проигранной» (видимо, возможности настоящего полного поражения, с оккупацией Англии и фактическим уничтожением ее независимости, он не допускал даже в мыслях), а Война Кольца, при всех неизбежных потерях, сопровождавших ее, все же была выиграна силами, враждебными Саурону. Волшебник Гэндальф высказывает в конце книги уверенность, что наступает лучшая эпоха; конечно, она не будет вовсе лишена тревоги, но и Арагорна, и Барлимана он заверяет в достижении победы, предсказывает скорые и благие перемены в мире людей.

По этой причине утверждать тождественность двух великих войн: подлинной и вымышленной — также некорректно.

Но Война Кольца — далеко не единственная в толкиновской мифологии, а воздействие мировой схватки на рассказ писателя может и не быть недвусмысленным переложением ее хода на группу воображаемых стран и армии со средневековым оружием; оно может оказаться и тоньше, и глубже.

Поэтому мне кажется особенно важным, не претендуя в данной работе на обобщающий вывод по теме, вынесенной в ее заглавие, обратить внимание на несомненный отпечаток военных событий в «черновых текстах» Профессора. Эти работы, в силу различных причин опубликованные лишь после смерти писателя, обладают внутренней связью с «Хоббитом» и «Властелином Колец». Я не буду доказывать это, но лишь сошлюсь на факт, очень широко известный в узких кругах «ортодоксально-светлых пуристов»: Толкин написал, по существу, не группу отдельных литературных произведений, пусть даже связанных сюжетно, но гипертекст, огромное повествовательное полотно, во многом подобное настоящим преданиям об исторических или мифических событиях — переданным нам многими авторами и во многих традициях. «Основные работы» являются здесь лишь наиболее приспособленными к художественным требованиям современной эпохи элементами Легендариума, созданного

Профессором с расчетом на публикацию; так что их значение ни в коей мере не может преувеличиваться.

Итак, несомненным стратегическим и тактическим сходством со Второй Мировой обладает в мифе Толкина война, называемая Эрегионской. Я кратко напомним о ее месте в истории Арды. Ради преодоления Искажения и превращения стран Среднеземья в подобие благословенного Валинора орден кузнецов эльфийской страны Эрегион предпринял создание системы волшебных Колец, чьей вершиной должны были стать Три наиболее могущественных Кольца, обладающих властью над стихиями мира. В этой работе им оказал огромную помощь мастерством и советами Майа Ауэлэндиль («друг» или «слуга» Аулэ),

назавшийся эмиссаром Валар в Среднеземье, и носивший среди нолдор также имена Аннатар («дающий дары») и Артано («великий кузнец»). По существу, именно он и направлял ход работы, поскольку без его знаний и силы, намного превосходившей природную силу эльфов, успех ее был бы невозможен. Вскоре после создания Колец эльфы узнали, почувствовав изменение волшебных сил, что кем-то было выковано еще одно Кольцо, более мощное, чем Три, взятые вместе. Вскоре стало ясно, что чудесные творения будут использованы как орудие власти не над природой, но над свободными народами, и обладателем этой власти будет владелец нового Кольца, а его главными орудиями — носители прочих Колец. У нолдор не было надежды исправить ситуацию, перетянув систему на себя, подчинив это Кольцо, а с тем и его владельца, что обезвредило бы заговор и позволило осуществить первоначальный замысел: их Кольца были слабее того, что появилось теперь. Тогда они скрыли все Кольца в наиболее глухих или самых защищенных местах своих владений, так что те оказались для тайного противника бесполезными. Многие подозревали в этой личности Аулендилля, и вскоре ужасные опасения подтвердились: враг был вынужден действовать и раскрыть себя, поскольку его планы срывались — пользы от Единого Кольца было немного, пока другие Кольца никем не использовались, и ему не над кем было властвовать.

Выяснилось, что подозрения Гиль-галада о пребывании в Среднеземье некоего злого духа, избежавшего поражения в Войне Гнева, истинны: Аулендилль был никем иным, как Сауроном или Горфауrom, правой рукой Моргота Бауглира в Древние Дни. Он потребовал выдачи всех Колец, ведь они не могли бы быть созданы без его помощи, и получил отказ; началась война, в которой Эрегион оказался полностью razoren, а силы нолдор в значительной мере подорваны. От полного поражения их спасло лишь вмешательство Нумэнора, чьи короли не держали прежде никакой армии; после же присутствие дунэдайн в Среднеземье и их политическое влияние на местные народы непрерывно нарастали много веков, вплоть до времен Ар-Фаразона, окончательно разгромившего державу Саурона и взявшего в плен его самого.

Эрегионская война мельком упоминается во «Властелине Колец» (речь Эльронда на Совете в Имладрисе) и «Сильмариллионе», но единственное ее подробное описание содержится в «Истории Галадриэли и Кэлеборна, а также Амрота, короля Лориэна» из «Неоконченных Сказаний». В «О карлах и людях» есть краткие упоминания о борьбе, в которой иссякли силы Северян, союзников Кхазад-дума, но они достаточно запутанны, и непонятно, к какому именно периоду по шкале «внутреннего времени» относится названный конфликт; поэтому здесь я не буду обращать на них внимания. В дальнейшем изложении предполагается, что читатели ознакомились с упомянутым отрывком из «Истории Галадриэли и Кэлеборна», а также имеют представление о ходе событий на Западном фронте Второй Мировой войны.

Итак, прежде всего обращает на себя внимание скорость перемещения всех армий, действовавших в Эрегионской войне: сотни километров Эриадора и Калэнардона они преодолевают зачастую в считанные дни, как заправские моторизованные части — при том что даже сильной конницей обладали из всех противников лишь нолдор, почти не предпринимавшие наступательных действий, а нумэнорцы Второй Эпохи вообще не использовали лошадей в битве.

Однако конкретные политические и военные обстоятельства дают нам еще более поразительную картину полного схода настоящей кампании и воображаемой:

После неудачных дипломатических переговоров Саурон объявляет войну эльфам Эрегиона и Линдона, хотя до этого намеревался вступить с ними в союз.

Гитлер принимает решение о войне с Польшей, зная, что Франция и Англия гарантировали ей поддержку, а его попытки добиться их согласия на экспансию потерпели крах.

Эльфы не решаются наступать через горы в Мордор, ведется подготовка к оборонительной войне. В то же время Саурон собирает армии в Хараде. Боевые действия почти не ведутся в течение неполного века.

Гиль-галад просит Эленну о помощи. Дунэдайн размещают небольшие силы и склады амуниции в Линдоне.

Саурон проходит маршем по равнине Калэнардон, форсирует Изэн и ведет войско на Эрегион. Как давно уже предвидел Гиль-галад, «в стене этих гор есть проход в земле Калэнардон»...

Отряды Эльронда и Кэлеборна ведут лихорадочные действия, какое-то время пытаюсь наступать, но в итоге оказываются отрезанными от главных эрегионских сил.

Небольшой линдонский отряд под командованием Эльронда едва не погибает, и с остатками сил Эрегиона вынужден отступить на север. Здесь он укрепляется в горной долине Имладрис и вскоре оказывается осажден. Причиной спасения войск Эльронда явились продолжающиеся бои Саурона Амротом и Дурином в Эрегионе.

Захват врагом территории Эрегиона, форсирование реки Гватло и быстрое продвижение по всем направлениям в северной части Эриадора.

Гавани Эдельлонд и Винъялондэ не заняты противником, потому что ему не хватает сил на решение основных задач. Эти оплоты подвергаются

Англо-французское командование укрепляет свои позиции на границе с Германией, не планируя никакого прямого наступления на Западный Вал. Этот период получил название «странной войны».

Принятие закона о ленд-лизе и начало военных поставок из США в Англию.

Немецкая армия наносит удар через территорию стран Бенилюкса, причем главные силы проходят лесистые и гористые, но неприкрытые войсками Арденны. Тем самым немцы обходят неприступную линию Мажино.

На фоне хаотического сопротивления французских частей англичане, как было заранее предусмотрено планом, наносят контрудар на левом крыле, в результате чего Гудериан заходит им в тыл.

Английский экспедиционный корпус, составляющий лишь малую часть войск союзников на континенте, с огромным трудом эвакуируется из Франции, теряя почти всю технику. Позже именно наличие этих сил в Англии предотвратило ее падение. Эвакуация из Дюнкерка произошла благодаря решению Гитлера направить с сухопутные силы на развитие успеха во Франции, оставив Дюнкерк на ВВС.

Оккупация северной Франции, падение Парижа — транспортного центра всей страны, прорыв немцев в центральные и южные районы Франции.

Англичане сохраняют стратегически важные базы на острове Мальта, в Египте и на полуострове Гибралтар, но Грецию и Крит теряют. В Греции и

атакам легких войск халадин, перешедших на сторону врага, но поддерживаемых лишь слабыми отрядами Саурана. Позднее именно Виньялондэ станет фактором поворота событий в пользу эльфов и дунэдайн.

Африке против них действуют главным образом войска Италии, усиленные более боеспособными, но небольшими немецкими подкреплениями. Сохранение господства в Средиземном море со временем позволяет Англии и США перейти в наступление — в Африке, а затем и в Италии.

(Хронологически неточно):

Саурон отдает приказ всячески преследовать карлов Дурина, что в союзе с эльфами Лоринанда и с Северянами попортили ему немало крови.

Опасаясь Норвегии, ее сознательного или невольного вступления в войну, нацисты оккупируют ее.

На границах Линдона идут жестокие бои, Гиль-галад едва держится на реке Луин. Центр обороны — это укрепленная гавань Митлонд в ее устье.

Идут активные воздушные налеты немцев на Англию с целью подготовки десанта (план «Зеелеве»). Если бы высадка состоялась, опорной базой обороны по Темзе стал бы Лондон.

К Врагу приходят дополнительные подкрепления с востока.

В предчувствии высадки союзников немцы пытаются укрепить оборону французских побережий (1944 год). Высадка в Нормандии (День «Д»). Прорыв Атлантического Вала, выход из Нормандии на оперативное пространство Франции.

Высадка нумэнорцев в Линдоне, разгром Саурана на реке Луин и дальнейшее движение союзных сил вглубь Эриадора.

Десант на юге Франции (август). Несмотря на колоссальные потери, немецкая группировка ускользает от полного разгрома и получает время для восстановления сил и создания обороны на Западном Вале.

Высадка дунэдайн в Виньялондэ. Кровавая битва у Сарнского Брода. Саурон отброшен к Тарбаду и там соединяется с новыми войсками, призванными им из своих владений.

Освобождение Франции, окружение и пленение большей части немецких войск, расположенных в этой стране. Встречное движение Восточного и Западного фронтов, практически полное уничтожение немецкой армии.

Битва у Тарбада. Бегство Саурана с небольшим отрядом. Эриадор полностью освобожден. Вражеская орда, осаждавшая Имладрис, зажата между дружинами Эльронда и Гиль-галада и разбита наголову. См. ниже об образе борьбы на два фронта в Эрегионской Войне.

«Тогда был собран первый Белый Совет. Эриадор был освобожден, но Большая его часть лежала в руинах».

Создание ООН, а также различных координационных комитетов с целью послевоенного урегулирования.

Взыскательный критик найдет несколько отклонений в ходе вооруженной борьбы в левой и правой колонках, однако они меркнут по сравнению с общим сходством, главные проявления которого — операция по разгрому Франции при помощи стратегического обхода и освобождение Франции союзниками путем высадки своих главных сил на севере страны и вспомогательных — на юге.

Характерны и политические параллели, возникающие из сопоставления хода оперативных действий: Эрегион — Франция, Линдон (с Имладрисом и другими владениями) — Англия и Британская империя, Нумэнор — США. Можно видеть сходство последствий войны для каждой из стран-победительниц и «аналогов»:

Из величайшей державы Среднеземья Линдон превращается в замкнутую страну, во всех важных вопросах зависящую от дунэдайн, потомков своих бывших вассалов.

Эрегион приходит в упадок и со временем полностью исчезает.

Нумэнор, прежде почти лишенный армии, но имевший большое влияние (культурное и экономическое) на все прибрежные народы Среднеземья, оказывается самой сильной страной мира. Его военная мощь постоянно возрастает, а страны северо-запада опираются на его поддержку.

Британская империя оказывается в глубочайшем кризисе и вскоре вовсе распадается, Англия же фактически становится едва ли не протекторатом США, своей бывшей колонии.

Франция теряет все свое военное и политическое влияние, которые были после Первой Мировой весьма велики.

США, еще не вполне отказавшиеся от «доктрины Монро», становятся первой из сверхдержав; если раньше они были «кредитором Европы», то теперь приобретают полную власть над всем западным миром. Недавние великие европейские страны превращаются в их союзников и младших партнеров.

Отметим, что указанная схема вообще не содержит никаких указаний на такой важнейший во Второй Мировой войне ТВД, как Восточный фронт, на котором был осуществлен разгром основных сил нацистской Германии и ее союзников, и обеспечено их поражение в Европе. Также нет каких-либо аналогов борьбы с Японией в английских колониях и на Тихом океане. Необходимо понимать, что внимание к роли событий на Западном фронте в западных же странах вообще намного выше, нежели в странах бывшего СССР, что вполне естественно; смею предположить, что и Дж.Р.Р. Толкин больше интересовался войной в Западной Европе, чем в России, и тем более — в Азии или Африке. Я полагаю, что точные совпадения в истории Второй Мировой войны и войны Эрегионской не являются следствием сознательного решения Профессора — для этого они слишком гладки; скорее здесь работало его подсознание, и наличие в нем столь яркого представления о ходе реального противостояния показывает, что произошедшая война все же владела немалой долей его внимания и волновала его душу (да и сложно, хоть ненадолго задумавшись над жизнью Англии той поры, предположить обратное; по меньшей мере, судьба собственных сыновей трогала его весьма глубоко).

Тем не менее, мотив ведения Сауроном войны на два фронта у Толкина все же присутствует — в замечании, что силы, действующие против Линдона, были слабее армии, с которой он напал на Эрегион, потому что он был вынужден оставить большое войско на востоке, чтобы сдерживать Эльронда в Имладрисе. Оккупация Врагом восточного Среднеземья _после_ поражения в Эрегионской войне, когда он «надолго оставил Запад без внимания», тоже наводит на мысль о соответствии — но не очень корректном. В самом деле, СССР выстоял в борьбе с Германией, и произошла ее изрядная часть до Дня «Д», а не после. Так что скорее этот захват Востока и последовавшие за ним Черные Годы напоминают ситуацию в конце Первой Мировой, когда в предпоследний момент Германия едва не стала победителем.

Есть и слова о том, что прибытие на помощь Гиль-галаду главных сил, собранных в Нумэноре, произошло на несколько лет позже, чем было намечено, поскольку флот «задержался в пути». Сложно сказать, насколько это походит на задержку с развитием военного давления США на Средиземноморском ТВД из-за необходимости ведения ими боевых действий с японским флотом на Тихом океане.

Освобождение Франции имело продолжение. Поэтому целесообразно рассмотреть и логическое продолжение Эрегионской войны, а именно — войну Последнего Союза. Прошло почти 18 веков... В «Повести Лет» не упоминается ни об одном событии этого периода, происходившем к западу от Туманных гор. Это легко можно объяснить внутренней логикой мира Толкина, но сейчас нас интересуют его внешние подобию; поэтому мы просто перескочим через «пустой» временной промежуток... чтобы обнаружить эльфийско-арнорские армии Последнего Союза, начинающие движение на восток почти с тех же позиций, где нами были оставлены почти завершившие освобождение захваченных Сауроном земель нумэнорско-эльфийские армии. Проведем тройную параллель:

В Эрегионской войне полностью освобождены Эриадор и Калэнардон.

Армии Последнего Союза подошли к рубежам владений Саурана. Начало боев за освобождение Минас Итиль, географически принадлежащей Мордору.

Освобождение Франции. Выход к Западному Валу. Начало боев за Аахен.

Здесь мы с куда большей ясностью видим и «два фронта»: гондорский (для укрепления которого отправляется меньшая южная армия Союза) и северный, где действуют главные силы Арнора и Линдона. По-видимому, в дальнейшем Арнор, где культурное влияние древней, неразвращенной метрополии всегда было сильнее, можно сопоставить с Нумэнором, а Гондор — с Советским Союзом, хотя такая параллель действительна, наверное, лишь в оперативном отношении. Тем не менее, она имеет право на существование. В самом деле, мы можем сравнить события в Гондоре, _предшествовавшие_ приближению его союзников к Мордору, с главными вехами Великой Отечественной войны:

Саурон вторгается в Гондор,
захватывает Минас Итиль.

«Анарйон не только удержал
Осгилаат...»

«...но и отбросил Врага

Начало ВОВ. Разгром советской армии,
оккупация западных районов страны.

Оборона Москвы.

Зимнее контрнаступление под Москвой.

обратно к горам...»

«...но Саурон вновь пошел в атаку...»

«...и Анарион понял, что без помощи друзей королевство долго не выстоит...»

Наступление групп армий «А» и «Б» на Кавказ и Сталинград.

В конце 1941 — начале 1942 года были достигнуты договоренности о включении СССР в программу ленд-лиза.

Следующая фаза войны Последнего Союза начинается вторжением в Мордор с двух направлений: Гиль-галада с севера и Элендила с запада, с территории Гондора — вскоре силы Саурона оказываются наглухо заблокированными в долине Горгорот. Одновременно в хронологии Второй Мировой войны мы подошли к моменту, когда Восточный и Западный фронты перешли рубежи Германии, со всех сторон окружив ее, что точно повторяется событиями в Среднеземье. Повесть о реальной войне переходит к контрудару в Арденнах (вблизи от границ Рейха), что, в соответствии с ранее упомянутыми аналогиями, должно означать некий удар Врага по войску Гиль-галада около пределов Мордора.

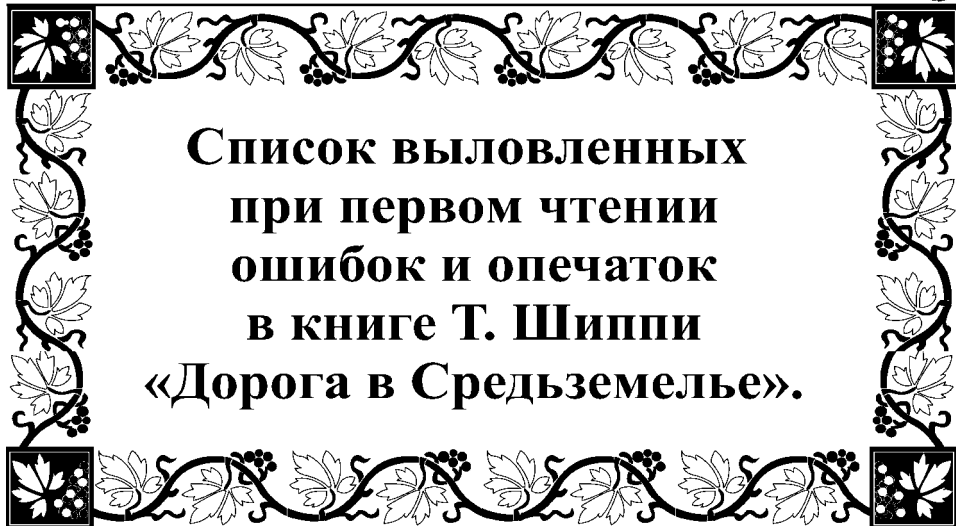
И такая битва действительно обнаруживается: пройдя разграбленный и сожженный врагом край, получивший теперь имя Бурых земель (как не сравнить с маршем через Бенилюкс, «перекресток Европы», ранее захваченный немцами), северная армия Последнего Союза вступает во встречный бой с мордорским войском. Думаю, ни у кого не вызовет сомнений утверждение, что в Дагорладской битве действия Саурона носили наступательный характер — как иначе армия лоринандских эльфов могла бы оказаться «отрезанной» или «загнанной в болота у склонов Эмин Муйл», да и зачем стал бы Враг свои главные силы выводить в поле, если бы рассчитывал на этом участке не идти вперед, а защищаться? Ведь горные перевалы, долины с узким выходом (вроде Удуна) или мощные крепости (подобные Барад-дуру) дают куда более благоприятные условия для ведения преднамеренной обороны.

Как и в действительности, так и в Среднеземье, контрнаступление противника провалилось. Отметим, что в ходе последовавшей осады Барад-дура из всех предводителей войска погиб именно Анарион Гондорский; этого недостаточно, чтобы настаивать на преобладании гондорских войск среди осаждающих, но все же свидетельствует самое меньшее об их участии в действиях непосредственно против Черной Крепости. Также и СССР (как отмечено выше, оперативный двойник Гондора в войне Последнего Союза) сыграл важнейшую роль в занятии Берлинского укрепленного района — наиболее защищенного в Германии: именно советские войска взяли его. Любопытно, что восточные и южные территории, долгое время пребывавшие под властью Саурона, становятся владениями Гондора; сателлиты Германии в восточной Европе также оказались после войны под контролем СССР.

В завершение этого краткого анализа замечу: мой собственный довод против сопоставления Войны Кольца со Второй Мировой войной, выдвинутый в начале очерка (хотя с формальной точки зрения обе войны были выиграны правой стороной, первая из них — в восприятии Толкина — в куда большей степени окончилась победой, нежели вторая), недействителен в отношении другого столкновения с Сауроном — Эрегионской войны и продолжающей ее войны Последнего Союза. Эти великие сражения Второй Эпохи действительно были «в значительной мере проиграны» — они обескровили народы эльфов и людей, враждебных Саурону, предопределив их будущий упадок, главная же цель — уничтожение Единого Кольца — так и не была в то время достигнута.

Хэльги Липецкий, 04.11.2002

Список выловленных при первом чтении ошибок и опечаток в книге Т. Шиппи «Дорога в Средьземелье».

Выражаю благодарность всем специалистам-филологам и неспециалистам (зато толкинистам), просмотревших текст перевода и высказавших свои замечания. Особенно я признательна Марии Артамоновой, подробно и внимательно изучившей первые две главы книги и отследившей ошибки и опечатки (правда, что огорчительно, по ранней, черновой версии перевода, частично опубликованной в «Палантире» и «вывешенной» в Интернете уже более года тому назад, если не раньше). Мне остается выразить глубокое сожаление по поводу того, что правки и замечания появились, когда книга уже вышла и ничего изменить в ней было уже нельзя, а, с другой стороны, по поводу того, что М. Артамонова проделала немало лишней работы, анализируя ошибки и опечатки, в печатной версии благополучно отсутствующие (обращаю внимание всех на то, что опечаток, допущенных по вине издательства, в тексте исчезающе мало, – корректорская работа практически безупречна). Конечно, этому тексту остро недоставало не только научного, но и просто знающего английский редактора (я не претендую на профессиональную осведомленность ни в области готского и других древнегерманских языков, ни в области древнеанглийского, ни в остальных смежных областях языкознания, и, более того, не являюсь профессиональным переводчиком, а только профессиональным литератором и, по совместительству, отчасти агитатором-пропагандистом).

Спасибо также Наталье Антоновой за вездливое буквоедское чтение и отлов самых мелких, но зато и самых ядовитых ошибок и опечаток.

Отдельное спасибо Павлу Иосаду за несколько случайных и выборочных, но ценных замечаний из сферы кельтологии, опять-таки, к сожалению, опоздавших, а также тем из анонимных участников обсуждения текста, кто высказал дельные замечания. Приходится сожалеть, что специалисты-филологи не взяли на себя труд перевода этой книги сами, – у них это, несомненно, получилось бы лучше, чем у меня. Но ведь не все еще потеряно. В России все, связанное с Толкином, переводят, в конце концов, по нескольку раз, не взирая на объем переводимого.

Кроме того, вычитки специалистов ожидают еще и остальные главы. Если случится чудо и книга будет переиздана, все имеющие смысл правки будут неукоснительно внесены, народ узнает своих подлинных героев, и, главное, российский толкинизм обогатится немеряно, – а разве не это есть наша общая, единственная и, скажем так, единственная общая цель?

Мария Каменкович

(В данном списке ошибок и опечаток я называю выловившего данный конкретный «глюк» не во всех случаях, а только в наиболее важных. Многие правки, разумеется, принадлежат мне).

P.S. За суперобложку я никакой ответственности не несу. Она явно не от той книги. Для «Монстров и Критиков» пригодилась бы вполне, а Шиппи такого не заслужил.

Будем считать, что на ней изображены те критики, о которых ПиШеТ Т. ШиПпи. :)

Предисловие

с. 9

В тексте:

«...для кого-то и Сумкинс...»

Нужно:

«...для кого-то и Сумникс...»

с. 10

В тексте:

«...завещал нам великий ТОЛКИН (фамилия писателя...обладатель этой фамилии!)».

Вторая скобка стоит не на своем месте. Ее необходимо передвинуть вниз и поставить после слов

„...Шиппи в «Дороге в Средьземелье»“.

В тексте:

«Она происходит от немецкого слова *tolkün*...»

Нужно:

«Она происходит от немецкого слова *tollkün*...»

От автора

с. 12

В тексте:

«...с издательством «Харпер-Коллинз»...»

Нужно:

«...с издательством *Harper&Collins*...»

с. 13

В тексте:

«...и «Беовульфа», и «Англосаксонское поэтическое наследие»...»

Нужно:

«...и «Беовульфа», и книгу «Anglo-Saxon Poetic Records» («Англосаксонское поэтическое наследие»)...»

В тексте:

«...и Саксона Грамматика...»

Нужно:

«...и Сакса Грамматика...»

(в других местах вроде бы везде правильно).

В примечании:

напечатано

«...обозначения длины гласных».

Нужно:

«...обозначения долготы гласных».

Глава 1. «Лит.» и «яз.»

Старые антипатии

с. 22

В тексте:

«...спрашивает себя некто Эдмунд Уилсон...»

Нужно:

«...спрашивает себя Эдмунд Уилсон...»

с. 25

В тексте:

«...характерную для этих людей «моноглотию» – «одноразность».

М. Артамонова предлагает вариант: «...«»моноглоссию» (по аналогии с «диглоссией») – «одноразность»».

Я оставляю пока что прежний вариант («моноглотия» – по аналогии с «полиглотией» и «одноразность» – по аналогии с «безъязыкостью»). Или принято все же «полиглоссия», но «полиглот»? Если да, то предложенное изменение оправдано и следует читать: «моноглоссию».

с. 27, в примечании

Напечатано:

«...должен бы обозначаться...»

Нужно:

«...должен обозначаться...»

с. 28

Напечатано:

«Е. В. Гордон»

Нужно:

«Э. В. Гордон» (Эрик Валентин).

Что такое филология?

с. 30, в примечании 1

В тексте:

«...так что название переводится как «святая девственность».

Нужно:

«...так что это название переводится как «Святая Девственность».

с. 33. В примечании значится:

«-Пер.».

Нужно:

«-Т. III.»

с. 34

Напечатано:

«...ученое исследование языков (особенно классических) и литератур».

Нужно:

«...ученое исследование языков и литератур (особенно классических)».

с. 35

В тексте:

«...и не запомнил ничего, кроме прыща на носу у великого оратора».

Как мне справедливо указали, точный перевод должен звучать так:

«...ничего, кроме бородавки на носу у великого оратора».

В тексте:

«...которым положила конец последняя война».

правильно:

«...которым была призвана положить конец последняя война»

(пер. М. Артамоновой).

с. 36

В тексте:

«...наука о прыщах на носу...»

См. выше поправку к с. 35.

с. 37

В тексте:

«...персидское слово *ксвахар*...происходит от того же слова что и осетинское *ксо*...»

Нужно:

«...слово *xvaxar* (*xvaxar*) ... происходит от того же слова что и осетинское *хо* (*хо*)...»

В тексте:

«...он имел в виду компаративную филологию...»

М. Артамонова предлагает здесь вместо дословного перевода – «компаративная филология»

– использовать

более распространенные термины: «сравнительно-историческое языкознание» или «компаративистика»

(то же и в остальных случаях, напр., на с. 40).

с. 38.

В тексте:

«...закон Кюна, закон Томсона...»

Нужно:

«...закон Куна, закон Томсена...»

Меня справедливо упрекнули в том, что я не дала справки – в чем состоит закон Куна? в чем состоит закон Томсена?

К сожалению, источники, которыми я располагаю (среди них немецкий Брокгауз) не дают информации об этих законах, более того, и о самом Томсене тоже. Может быть, кто-нибудь из уважаемых филологов предоставит общественности необходимую справку?

Я могу только уточнить биографию Куна.

Франц Феликс Адальберт Кун (1812-1881) – языковед, специалист по индоевропейским языкам, основатель лингвистической палеонтологии, особенно интересовался мифами и сравнительным языкознанием.

с. 39.

В тексте:

«...со старыми, диалектными или нестандартными словами».

По замечанию М. Артамоновой, правильное было бы заменить сочетание «нестандартные слова» на более общепринятый термин. Тогда перевод будет выглядеть так:

«...со старыми, диалектными или нелитературными формами, формами разговорного языка».

В тексте:

«...маленькую идиллию поэтической жизни...»

Правильнее:

«...маленькую идиллию исполненной поэзии жизни...»

с. 40

В тексте:

«...он чувствовал, что встал в ряды проигрывающих в академической игре, которая, к тому же, возможно, велась нечестно, хотя с уверенностью этого утверждать нельзя».

Ошибка в интерпретации английской фразы (согласно замечанию М. Артамоновой). Правильно:

«он чувствовал (может быть, справедливо, а, может быть, и нет) что встал в ряды проигрывающих в академической игре».

с. 42

В тексте:

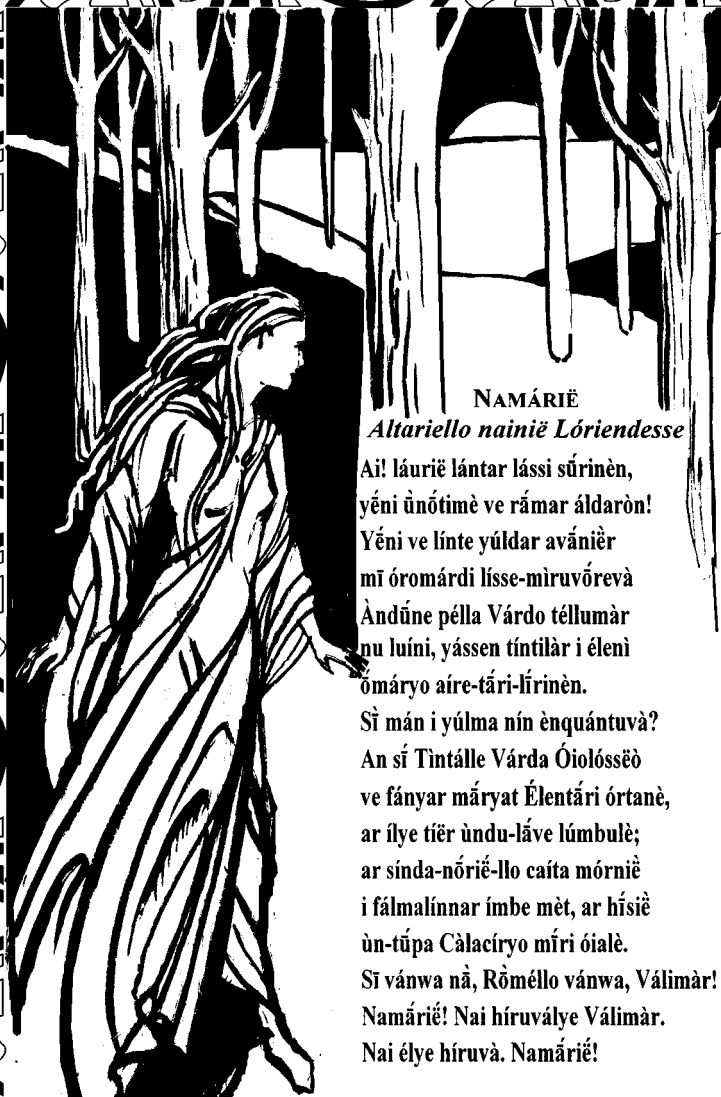
«...или, иными словами...»

Нужно:

«...иными словами...»

(ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ)

NAMÁRIË

Altariello nainië Lóriendesse

Ai! láurië lántar lássi súrinèn,
yéni ùnótimè ve rámar áldaròn!
Yéni ve línte yúldar avánièr
mī óromárdi lísse-miruvórevà
Àndúne pèlla Várdo téllumàr
nu luíni, yássen tíntilàr i éleni
ómáryo aire-tári-lírinèn.
Sì mán i yúlma nín ènquántuvà?
An sí Tintálle Várda Óiolóssëò
ve fányar máryat Élentári órtanè,
ar ilye tiër ùndu-láve lúmbulè;
ar sínda-nórié-llo caíta mórnìè
i fálmalínnar ímbe mèt, ar hísiè
ùn-túpa Càlacíryo míri óialè.
Sì vánwa nà, Róméllo vánwa, Válimàr!
Namárié! Nai híruválye Válimàr.
Nai élye híruvà. Namárié!